

Эдгар Райс
Берроуз

Эдгар Райс
Берроуз

ЛЕГЕНДА О
ТАРЗАНЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.3(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Edgar Rice Burroughs
TARZAN OF THE APES
THE RETURN OF TARZAN
THE BEASTS OF TARZAN

Перевод с английского

Художник *В. Лебедева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Edgar Rice Burroughs, Inc.
и литературных агентств Blake Friedmann Literary,
TV & Film Agency Ltd и Andrew Nurnberg.

Берроуз, Эдгар Райс.

Б51   Легенда о Тарзане : [сборник : перевод с англий-
ского] / Эдгар Райс Берроуз. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 704 с.

ISBN 978-5-17-097139-8

Тарзан — любимый герой уже пяти поколений.

О его приключениях сняты десятки фильмов, на кото-
рых выросли не только американские, но и европейские,
и отечественные зрители. В любви к нему радостно призна-
вались самые разные, но равно популярные писатели — от
Туве Янсон до Стивена Кинга, от Рэя Брэдбери до Нила
Геймана.

Что же так заворожило их? Почему незамысловатые на
первый взгляд истории о Тарзане оказались неподвластны-
ми времени?

На это можно ответить по-разному, но лучшим ответом
станут сами книги о «короле джунглей»...

УДК 821.111-311.3(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Edgar Rice Burroughs, 1912, 1913, 1914
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-097139-8

ТАРЗАН — ПРИЕМЫШ ОБЕЗЬЯНЫ

I В МОРЕ

Я слышал этот рассказ от человека, которому вовсе не хотелось передавать его ни мне, ни кому-либо другому. Я думаю, что он начал эту повесть под влиянием старого вина, а мое недоверие и скептицизм побудили его довести свой странный рассказ до конца.

Когда мой словоохотливый гость хорошенько вдумался в то, что он мне рассказал, и убедился, что я все еще склонен сомневаться, наивная гордость и пары старого вина побудили его откопать среди пыльных рукописей и сухих официальных донесений британского Министерства колоний доказательств изумительных деталей этого замечательного повествования.

Я не говорю, что рассказ правдив, ибо я не был свидетелем описываемых происшествий, но уже то, что в передаче его я избрал фиктивные имена для главных героев, является достаточным доказательством искренности моего личного убеждения в их возможности.

Пожелтевшие, истлевшие страницы дневника давно скончавшегося человека и рапорты Министерства колоний дают солидную опору повествованию моего словоохотливого гостя, и я предлагаю вам эту повесть в том виде, в каком я ее кропотливо восстановил по этим разнородным источникам.

Если вы и найдете ее невероятной, то, во всяком случае, согласитесь со мною в том, что она — единственная в своем роде, что она замечательна и интересна.

Из донесений Министерства колоний и из дневника покойного мы узнали, что некий молодой английский дворянин, которого условимся называть Джон Клейтон, лорд Грейсток, был назначен в Британскую Западную Африку с чрезвычайно щекотливым поручением, касавшимся расследования злоупотреблений в местной английской колонии.

Дело шло о вербовке из туземного населения солдат для колониальных войск дружественной европейской державы. Этих туземцев насильно заставляли собирать каучук и слоновую кость среди диких племен по течению Конго и Арувими. Туземцы британской колонии жаловались, что их молодежь заманивали щедрыми обещаниями, но редко кто возвращался к родным семьям.

Англичане-колонисты выражались еще решительнее: они доносили, что несчастные чернокожие попадают в подлинное рабство и что, когда срок их службы по договору кончается, их белые начальники, пользуясь их невежеством, внушают им, будто они должны служить еще долгие годы.

Итак, Министерство колоний назначило Джона Клейтона на новую должность в Британской Западной Африке; полученные им секретные инструкции предписывали обстоятельно расследовать недобросовестное отношение офицеров дружественной европейской державы к черным британским подданным. Но дело сложилось так, что он не только не произвел никакого расследования, но даже не достиг места своего назначения.

Клейтон был человек крепкий, полный жизненных сил во всех отношениях: умственном, нравственном и физическом.

Роста он был выше среднего, глаза имел серые, черты лица резкие, но правильные, глядел сильным и здоровым, чему способствовала и военная выправка.

Политическое честолюбие побудило его добиваться перевода из армии в Министерство колоний, и вот,

еще молодым человеком, он уже получил деликатное и весьма важное поручение.

Получив это назначение, он ощутил и радость, и тревогу. В нем он видел вполне заслуженную награду за добросовестный и полезный труд и ступень к более значительным и ответственным постам; но, с другой стороны, — он лишь три месяца тому назад женился на Алисе Рутерфорд, и мысль о необходимости брать хрупкую молодую женщину в опасные дебри тропической Африки тревожила его и волновала.

Он уже был готов отказаться от назначения; но жена не согласилась. Напротив, она настояла на том, чтобы он принял назначение и непременно взял ее с собой.

Итак, в одно прекрасное майское утро 1888 года Джон — лорд Грейсток — и леди Алиса отплыли из Лувра в Африку.

Месяц спустя они прибыли во Фритаун, где наняли небольшое парусное судно «Фувалда», которое должно было доставить их к конечному пункту их путешествия.

С той поры о лорде Грейстоке и леди Алисе не было ни слуху ни духу.

Через два месяца после того, как они подняли якорь и вышли из фритаунской гавани, с полдюжины британских военных судов бороздили Южную Атлантику вдоль и поперек в поисках их следов или следов их суденышка. У берегов острова Св. Елены вскоре были найдены обломки, убедившие всех в том, что «Фувалда» пошла ко дну со всеми пассажирами. Поиски прекратились, едва начавшись, но надежда долгие годы жила в скорбных сердцах родичей молодой четы.

«Фувалда» была небольшим парусником в сотню тонн водоизмещения, типа весьма обычного в каботажном флоте далеких южных морей. Экипаж таких кораблей нередко состоит из бежавших от суда головорезов всех племен и наций.

«Фувалда» не была исключением из общего правила. Офицеры на ней были грубые скоты, ненавидевшие команду, которая отвечала им столь же нежными чувствами. Капитан хорошо знал свое дело, но обращение его с подчиненными было более чем зверское. Он знал или по крайней мере умел применять лишь два способа обращения с ними: палку и револьвер.

Уже со второго дня отплытия из Фритауна на «Фувалде» Джон Клейтон и его молодая жена стали свидетелями таких сцен, которые они раньше видели разве лишь на обложках морских повестей.

И утром второго дня было выковано первое звено той цепи обстоятельств, благодаря которой еще не рожденному тогда герою этой повести суждено было прожить жизнь, подобной которой не найти в истории человечества.

Два матроса мыли палубу «Фувалды», первый помощник находился на мостике, а капитан стоял и разговаривал с Джоном Клейтоном и леди Алисой.

Матросы работали спиной к маленькой группе, которая в свою очередь не видела их. Они подвигались все ближе и ближе, и наконец один из них оказался непосредственно за капитаном. В следующий момент он прошел бы мимо, и эта странная повесть не была бы написана.

Но как раз в этот момент капитан повернулся, уходя от четы Грейстоков, и, наткнувшись на матроса, растянулся во весь рост на палубе, опрокинув на себя ведро с грязной водой.

Одно мгновение сцена была комичной, — но только одно мгновение. С потоком страшной брани, с лицом, багровым от возмущения и бешенства, капитан вскочил на ноги и одним страшным ударом свалил матроса на палубу.

Матрос был малорослый и старый, что подчеркивало бесчеловечность поведения капитана. Другой ма-

трос, напротив, был огромного роста и скорей походил на медведя; черные усы его были лихо закручены, и толстая бычья шея была плотно посажена между широкими плечами.

Когда он увидел, что его товарищ упал, он пригнулся и с глухим рычаньем бросился на капитана, повалив его на колени одним могучим ударом.

Из багрового лица капитана стало белым; это был бунт, а бунты он видел и подавлял в своей прежней жестокой практике. Не вставая с колен, он выхватил из кармана револьвер и выстрелил в упор в стоявшую над ним живую гору мускулов; но сколь быстрым ни было это движение, Джон Клейтон оказался еще проворнее, и пуля, предназначенная для сердца матроса, впилась вместо того ему в ногу: лорд Грейсток ударил по руке капитана в тот момент, как оружие блеснуло на солнце.

Клейтон обрушился на капитана, заявив, что он возмущен его зверским обращением с командой и не допустит повторения подобных сцен, пока он и леди Грейсток будут пассажирами «Фувалды».

Капитан хотел было дать резкий отпор, но, передумав, повернулся и ушел, ворча и ругаясь. Он не решился завязать ссору с английским чиновником, ибо знал, что за ним стоит карающая рука, которую он вполне оценивал и которой боялся, — мощный британский флот.

Оба матроса встали; старик помог подняться своему раненому товарищу. Огромный детина, известный своим товарищам под кличкой Черный Майкл, осторожно попробовал ногу и, убедившись, что она его держит, обратился к Клейтону с грубым благодарственным словом.

Тон был угрюм, но слова несомненно искренни. Окончив свою коротенькую речь, он повернулся и пошел, прихрамывая, на бак, с очевидным желанием прекратить разговор. Несколько дней его не видно было; капитан же ограничивался лишь угрюмым бурчаньем, встречаясь

с Грейстоками; они продолжали обедать в его каюте, как и до инцидента, но капитан старался находить себе работу в те часы, когда они находились за столом.

Прочие офицеры были грубым, безграмотным сбродом, мало отличавшимся от экипажа, который они так зверски третировали; они избегали общения с лошечным английским дворянином и его супругой, так что большую часть времени Клейтоны были предоставлены самим себе.

Такой порядок вещей несколько не противоречил их желаниям, но зато они стояли в стороне от жизни маленького судна и не были в курсе каждодневных происшествий, которые в скором времени обернулись кровавой драмой.

В самой атмосфере маленького судна было что-то, предвещавшее катастрофу. Наружно, как казалось Клейтонам, все шло благополучно; но внутренне каждый из них чувствовал приближение неведомой опасности, хотя они и не говорили о ней друг с другом.

Выйдя на палубу на другой день после инцидента с Черным Майклом, Клейтон застал старшего помощника с палкой в руке: он осыпал бранью кучку угрюмых матросов в то время, как два других матроса уносили безжизненное тело товарища.

Клейтон не задавал вопросов: для него и так все было ясно. На следующее утро, когда на горизонте появился британский броненосец, он почти решился потребовать, чтобы его с женою пересадили; его убеждение в том, что их пребывание на борту «Фувалды» окончится весьма трагично, все больше укреплялось.

К полудню они находились на расстоянии голоса от британского корабля, но когда Клейтон собрался просить капитана о пересадке, ему стала ясна вся нелепость подобного положения. Чем мог бы он обосновать капитану корабля ее величества желание вернуться туда, откуда он только что выбыл? И в самом деле, если бы он им

пожаловался, что два непокорных матроса подверглись грубому обращению офицеров, все на крейсере усмехнулись бы в усы и приписали его желание покинуть судно единственной причине — трусости.

Джон Клейтон так и не потребовал пересадки на британское военное судно, и к вечеру он увидел, как оно скрылось за горизонтом; но еще прежде, чем броненосец исчез из виду, он узнал то, что подтвердило его худшие опасения и заставило проклясть ложное самолюбие, удержавшее его от помещения молодой жены в безопасную обстановку крейсера, когда он был так близко — крейсера, ушедшего теперь навсегда.

Около трех часов дня маленький старик матрос, которого несколько дней тому назад ударил капитан, подошел к Клейтону и его жене, стоявшим у борта и следившим за уменьшавшимися очертаниями большого броненосца. Старик принялся чистить медные поручни и, мало-помалу приблизившись к Клейтону, проговорил вполголоса:

— Чертям станет тошно от того, что будет на этом самом судне; помяните мое слово, сэр: чертям станет тошно!

— Что вы хотите сказать, друг мой? — спросил Клейтон.

— Что? Разве вы не видите, что здесь происходит? Вы что — не слышали чертовской ругани капитана? Не видели, что его помощники искровянили половину команды? Две разбитых головы вчера и три нынче; Черный Майкл встал как ни в чем не бывало, а он не такой человек, чтобы все это терпеть. Нет, он не из таковых! Помяните мое слово, сэр.

— Вы хотите сказать, дружище, что команда замышляет бунт? — спросил Клейтон.

— Бунт! — воскликнул старик. — Бунт! Они замышляют убийство, сэр; помяните мое слово, сэр!

— Когда?

— В свое время, сэр, в свое время; но я не скажу когда, я и так чертовски много насказал; но вы показали себя славным парнем в тот раз, и я думаю, что имею право предостеречь вас. Но держите язык за зубами, а когда услышите стрельбу, залазьте в каюту и сидите там! Это все; держите лишь язык за зубами, а не то они сунут вам нож между ребер, помяните мое слово, сэр! — И старик стал продолжать свою работу, постепенно удаляясь от Клейтонов.

— Чертовски приятные перспективы, Алиса! — сказал Клейтон.

— Ты должен немедленно предупредить капитана, Джон. Возможно, что еще удастся предотвратить несчастье, — возразила она.

— Полагаю, что следует; но из чисто эгоистических побуждений я предпочитаю «держат язык за зубами». Что бы они ни делали, они нас пощадят за мое заступничество за Черного Майкла; если же они узнают, что мы их выдали, нам нельзя будет ждать пощады, Алиса.

— Твой долг ясен, Джон, и совпадает с интересами власти. Если ты не предупредишь капитана, то будешь соучастником всего, что может произойти, в той же мере, в какой был бы, задумав заговор своей головой и приводя его в исполнение собственными руками!

— Ты не понимаешь, дорогая, — возразил Клейтон. — Я думаю о тебе, ибо в тебе я вижу свой первый долг. Капитан сам навлек на себя опасность; с какой стати стану я подвергать свою жену тем невыразимым ужасам, которые могут произойти от явно бесплодной попытки спасти его от последствий его собственного зверства и безумия? Ты и не представляешь себе, дорогая, что произойдет в том случае, если эти головорезы захватят «Фувалду» в свои руки!

— Долг остается долгом, муж мой, и никакие соображения не могут его изменить. Я была бы недостойной женой, если бы стала причиной неисполнения

мужем своего прямого долга. Я учитываю опасность, которая грозит мне, но готова встретить ее твердо вместе с тобою, — встретить с большим мужеством, нежели тот позор, который я всегда бы испытывала, зная, что ты мог бы предотвратить трагедию, если бы не пренебрег своим долгом.

— В таком случае, пусть будет так, как ты хочешь, Алиса, — ответил муж, улыбаясь. — Возможно, что наши тревоги напрасны. Хотя мне и не нравится положение вещей на судне, может быть, оно не так плохо, как кажется, и старый матрос говорил не о действительных планах, а просто высказывал свои потаенные мысли.

— Бунт в море был возможен разве сто лет тому назад; теперь, в 1888 году, возможность его совершенно неправдоподобна!

— Погоди — вон капитан направляется к себе в каюту; если предупредить его, так уже лучше сразу покончить с этим грязным делом, ибо и вообще у меня мало желания разговаривать с этим животным!

С этими словами он направился небрежной походкой в проход, в котором исчез капитан, и минуту спустя стучался к нему в дверь.

— Войдите, — пробурчал угрюмый голос капитана.

Клейтон вошел и затворил за собой дверь.

— Ну?

— Я явился, чтобы передать вам отрывок слышанного мной сегодня разговора; хотя я полагаю, что все обойдется благополучно, я все же считаю, что следует быть заранее готовым ко всему. Короче говоря, команда замышляет бунт и убийство.

— Это ложь! — заревел капитан. — Ежели вы вновь вмешаетесь в дела дисциплины на этом судне или сунетесь не в свое дело, то и берите на себя ответственность за все последствия, черт вас побери! Мне плевать на то, английский вы лорд или нет! Я капитан вот этого самого

судна, и с этой минуты извольте держать ваш нос подальше от моих дел!

Капитан довел себя до такого бешенства, что совсем побагровел и выкрикнул последние слова изо всей силы легких, ударив одним кулаком по столу и тыча другой в лицо Клейтону. Грейсток даже не отвернулся и продолжал смотреть неподвижным взглядом на беснующегося человека.

— Капитан Биллингс, — протянул он наконец. — Простите мою откровенность, но я замечу, для вашего сведения, что вы здорово похожи на осла!..

С этими словами он повернулся и ушел из каюты с тем хладнокровием, которое было ему свойственно и, несомненно, скорее могло довести человека вроде Биллингса до бешенства, чем целый поток брани.

Постарайся Клейтон успокоить капитана, возможно, что тот пожалел бы о произнесенных сгоряча словах; теперь он остался в том же настроении, в каком Клейтон покинул его, и последняя надежда предотвратить кровавую катастрофу была потеряна.

— Ну, Алиса, — сказал Клейтон, вернувшись к жене, — если б я придержал язык за зубами, то, пожалуй, избежал бы некоторых нелестных эпитетов. Он оказался весьма неблагодарным животным. Накинулся на меня, как бешеный пес. И он, и его проклятое судно могут идти к черту, мне дела нет! И поскольку дело нас касается, я буду заботиться лишь о нашем личном благополучии! Мне кажется, что по первому пункту этой программы нам следует спуститься к себе в каюту и осмотреть револьверы. Я жалею теперь, что наши ружья и амуниция запрятаны с багажом в трюме!

Они застали свое помещение в ужаснейшем беспорядке. Платье из раскрытых сундуков и чемоданов было раскидано по всей маленькой каюте, и даже постели были перерыты.

— Очевидно, кто-то больше нас интересуется нашими вещами, — заметил Клейтон. — Клянусь Юпитером, мне интересно знать, чего искали эти люди! Осмотримся, Алиса, и выясним, чего не хватает!

Старательные поиски выяснили, что ничего не пропало, кроме двух револьверов и небольшого запаса патронов.

— Именно те вещи, которых я больше всего желал бы! — проговорил Клейтон. — И тот факт, что они взяли только эти вещи, является наиболее мрачным из всех дурных предзнаменований с момента нашего вступления на это жалкое корыто.

— Что нам делать, Джон? Я не прошу тебя вновь идти к капитану, так как не хочу, чтобы ты опять подвергся оскорблениям. Возможно, что наша вернейшая надежда на спасение лежит в соблюдении нейтралитета. Если офицерам удастся подавить мятеж, нам нечего будет бояться! Если же победят мятежники, то наша единственная надежда — стараться не перечить им и не ссориться с ними.

— Ты права, Алиса. Будем держаться середины!

Они занялись было приведением каюты в порядок, как вдруг и Клейтон, и его жена одновременно заметили торчавший из-под двери уголок бумаги. Наклонившись, чтобы поднять его, Клейтон с удивлением заметил, что листок движется дальше в каюту, и убедился, что кто-то подсовывает его снаружи.

Быстро и бесшумно он ступил к двери, но едва коснулся ручки, чтобы ее распахнуть, рука жены легла ему на плечо.

— Нет, Джон, — шепнула она. — Они не желают, чтобы мы их видели, и мы не должны их видеть! Не забывай, что мы держимся середины!

Клейтон улыбнулся и опустил руку. Они молча смотрели на маленький кусок белой бумаги до тех пор, пока он не застыл в неподвижности на полу у самой двери.